

Солопова Наталья Евгеньевна

"СЛОМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ" В ПРОЗЕ Л. Н. ЗАВАДОВСКОГО 1920-1930-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются вопросы идейно-смыслового пласта в творчестве советского писателя Л. Н. Завадовского, обосновывается появление в прозе писателя героев нового типа. В работе показаны способы приспособления героев Завадовского к новым реалиям советской действительности. Доказывается, что героям Завадовского сложно порвать с прежними национальными устоями. Исследуется литературно-художественное воплощение "слома повседневности" и его влияние на мировосприятие героев произведений Л. Н. Завадовского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 54-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Островский А. Н.** Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1976. Т. VI. 606 с.
7. **Островский А. Н.** Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1978. Т. X. 719 с.
8. **Чернышевский Н. Г.** Полн. собр. соч.: в 16-ти т. М.: Красный пролетарий, 1942. Т. II. 944 с.

ETHNOGRAPHICAL ORIGINS OF A. N. OSTROVSKY'S CREATIVE WORK

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
umoiptd@yandex.ru

The article discovers the origins of A. N. Ostrovsky's dramaturgy – the writer's techniques to explore the Russian social reality; the results of such exploration served as a basis of his creative work. The paper emphasizes the close relation of the dramatist's ethnographic studies with the activity of the most outstanding representatives of the Russian historical and philological science.

Key words and phrases: investigation; study; observation; drama; chronicles; life; ethnographic studies; history; modernity.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются вопросы идейно-смыслового пласта в творчестве советского писателя Л. Н. Завадовского, обосновывается появление в прозе писателя героев нового типа. В работе показаны способы приспособления героев Завадовского к новым реалиям советской действительности. Доказывается, что героям Завадовского сложно порвать с прежними национальными устоями. Исследуется литературно-художественное воплощение «слома повседневности» и его влияние на мировосприятие героев произведений Л. Н. Завадовского.

Ключевые слова и фразы: советская литература 1920-1930-х годов; слом повседневности; Л. Н. Завадовский; советская идеология; гражданская война.

Солопова Наталья Евгеньевна

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
se-natalia@yandex.ru

«СЛОМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В ПРОЗЕ Л. Н. ЗАВАДОВСКОГО 1920-1930-Х ГОДОВ

Русская мысль, русская идея и русская литература в начале XX века претерпели колоссальные метаморфозы, определившие во многом дальнейшее движение русской культуры в целом. Советская литература 20-30-х годов XX века буквально за два десятилетия не только пересмотрела основные фундаментальные позиции, но и в корне поменяла художественно-эстетическую направленность. Переход от идеологии РАППа к идеологии Союза советских писателей нельзя назвать эволюцией, скорее, это была смена общей литературной концепции, в первую очередь отражающей политическое движение: «Новая власть нуждалась в такой «культурной революции», которая бы опиралась только на большевистский идеологический диктат» [10, с. 166]. В выборе сюжетно-композиционных построений, проблематики, основных тем произведений советские писатели должны были руководствоваться принципом партийности. Однако часто идеологические требования расходились с реальной жизнью страны, которая с трудом переходила на новые стандарты бытия.

В этой связи к советской эпохе 1920-1930-х годов часто применяется термин «слом повседневности» (С. Н. Лебедева, Н. Н. Козлова и др.), под которым понимается отсутствие «укорененности» маленького человека в новой советской действительности [5]. Это явление нашло яркое выражение в творчестве одного из самых ярких советских писателей 1920-1930-х годов – Л. Н. Завадовского. Видимо, поэтому критики-современники часто обвиняли его в отставании от социалистического роста литературы, утверждая, что «писатель еще не проникся социалистическим сознанием в такой мере, чтобы оно стало его мировоззрением, и социалистические проблески нашей действительности он дает еще художественно недостаточно сильно и убедительно» [6, с. 95].

Завадовский принимал активное участие в современном ему литературном процессе: в 1920-е годы он был членом группы «Перевал», позднее, в 1930-е, зачислен в Союз советских писателей, но, несмотря на это, настойчиво «от писателя требовали показать роль партийных организаций, коммунистов и комсомольцев, идущих “во главе масс”» [Там же, с. 130], так как литература, будучи частью советской культуры, должна была «выступить в роли проводника идей коммунизма» [10, с. 166].

Прямых антисоветских убеждений в произведениях Завадовского не высказывается, но при этом в его творчестве нет и льстивых восхвалений в адрес большевиков. Герои пытаются определить свое отношение к советской власти, к новой идеологии жизни («Полова», 1926; «Соседи», 1928; «В лунную ночь», 1927; «Соломенская учительница», 1938). Герои Завадовского приняли советскую власть, но до конца еще не поняли и не осмыслили ее устроительные принципы.

Сдвиг мировосприятия, морально-этических позиций, а главное – перелом в крестьянском патриархальном укладе жизни показан в творчестве Завадовского, где одним из основных конфликтов является столкновение старых и новых позиций, стремление «обозначить соотношение событий с национальными традициями, с исторически сложившимися особенностями мировосприятия – национальным характером» [5].

В творчестве писателя художественный мир является отражением реального мира, «вздыбленного революцией», гражданской войной, золотой лихорадкой, в котором уже произошла переоценка ценностей и началась новая жизнь с проблемами и сложностями [8]. И в центре такого мироздания находится человек, желающий упорядочить жизненный хаос и определить, как жить дальше.

Во многих рассказах Завадовского временной континуум охватывает период Гражданской войны и постреволюционного времени. Русская литература красноречиво и объемно отразила революционные события. Каждый писатель по-своему описал происходившие события. Б. Пильняк «увидел в Гражданской войне своего рода апофеоз всей русской истории» [1, с. 115], В. Шишков в «Ватаге» показал «жуткую картину революционного насилия» [Там же, с. 116], А. Серафимович в «Железном потоке» разглядел «историческую “заслугу” большевиков» [Там же, с. 117], М. Шолохов в «Тихом Доне» выразил «не однозначно в “классовом” отношении» [Там же], «многие авторы старались опозитивировать «пролетарский авангард» революции» [Там же, с. 115].

Гражданская война и революция как средства «слома повседневноности» в творчестве Завадовского показаны через отдельные детали, штрихи, отголоски и намеки, дающие лишь условные представления об историческом времени произведения («Бурун»). Но даже в этой недосказанности звучит безбожный и антигуманный голос, свидетельствующий о братоубийстве и абсолютной неудержимой ярости гражданской войны («Соседи»). Сюжеты произведений Завадовского основаны не только на конкретных исторических событиях, но и непосредственно на процессе изменения жизни, индивидуальной переоценке жизненных ценностей и ориентиров каждого героя. Писатель показывает, как люди пытаются приспособиться к формирующимся реалиям советской действительности. Насильственное прививание новых принципов жизни, слом прежнего миропорядка находят отражение не только во внешней жизни героев, но и меняют их самосознание и самоопределение.

В рассказе «В лунную ночь» суждения Никанора Васильевича основываются не на идеологических позициях, а на понимании мироустройства жизни: «Мужику работать бы и работать, а его качают, всего расшатали, никудышным сделали» [4, с. 86]. На примере героя рассказа автор показывает, как хозяйственный мужик, работник, привыкший к труду, пытается осмыслить течение смутного времени и как не поддается ему понимание всего происходящего.

Обращение Завадовского к вопросам существования крестьянства в условиях всеобщей коллективизации и укрепления советской власти, а также его интерес к процессу перехода крестьянского патриархального сознания к новым ценностным ориентирам продиктованы кардинальными изменениями социально-нравственных норм в 1920-1930-е годы. Возникающие в результате этого вопросы морально-этического характера находят отражение в творчестве писателя и провоцируют его к использованию реалистических принципов изображения деревни и ее обитателей.

В 1929 году в журнале «Печать и революция» выходит очерк «Леонид Завадовский», в котором автор Анна Шафир, анализируя ряд произведений писателя («День жизни», 1929; «В зеленых кварталах», 1927; «Корень», 1935; «На белом озере», 1926; повесть «Полова», 1926), приходит к беспелляционному выводу: «От взгляда Завадовского ускользают сложные социальные процессы, происходящие в современной деревне. Он не видит широких перспектив и неохватных возможностей, которые раскрыла революция... Деревня, изображаемая им – деревня вчерашнего дня. Даже внешние картины деревенского пейзажа однотипны и статичны... Революция, в представлении Завадовского, чужда деревне...» [6, с. 93]. Без сомнения, данная оценка творчества писателя ориентируется на требования «вульгарно-социалистической школы» [Там же], именно партийная идеология мешает объективному восприятию художественных образов в творчестве Завадовского.

Так, образ деревни показан автором в рассказах и повестях не в прошлом, а именно в ее настоящем воплощении, где уникальная особенность этого настоящего и сегодняшнего заключается в сложности и даже порой невозможности быстрого разрушения исконных национальных ценностей, веками определяющих жизнь русского народа и русской деревни. В связи с этим и возникает тезис о чуждости революционных идей крестьянству, что тоже показано в произведениях Завадовского. А «новые ощущения, навеянные революцией, освобождение от патриархальной общинной морали, отказ от традиционных ценностей» [5] воплотились в стремлениях и желаниях молодых людей и девушек, таких как Люба («Полова»), Наташа Сизова («Соломенская учительница»), Сыч («Никитино счастье»), Алексей («В зеленых кварталах»), Пронька («В лунную ночь»), Настя («Облачный день») и другие.

Возможно, Завадовский нарочито избегает показа советской деревни, чтобы не только акцентировать внимание на самобытности жизненного уклада провинции и провинциальных людей, но и вывести на первый план мысль о личностном понимании происходящих перемен: «Советским читателям необходимы были художественные эпические тексты о социально-исторических преобразованиях в городе и деревне, о человеке в контексте времени – во всем разнообразии поступков, ощущений, в процессе его духовного роста или разрушения, трансформации сознания» [Там же].

Все же Завадовскому важен сам человек в его русском национальном воплощении. Будучи провинциальным человеком, частью периферийной жизни, Завадовский как никто другой мог наблюдать происходящие в обществе метаморфозы и воплотить их в художественном произведении. Писателю важно показать антигуманные реалии жизни, но при этом без четкого определения политических приоритетов. Также Завадовский

стремится воспроизвести всю сложность процесса переосмысления ценностей и зыбкость новых принципов мироустройства. Писатель в произведениях не только создает характеры провинциальных героев, образы крестьянства, но и демонстрирует суть русского национального менталитета.

В рассказе «Никитино счастье» (1927) битый и обманутый со всех сторон главный герой словно выпадает из реальной жизни, робость и неомощность русского мужика перед господами, помещиками и властью, заложенные веками крепостничества, делают его слабым и податливым, неспособным к противостоянию: «Никита сидел и дрожал так, что под ним скрипела скамья» [4, с. 184]. Но вместе с тем герои рассказов «Никитино счастье», «Корень», «В лунную ночь», «В зеленых кварталах» демонстрируют силу русского характера. Вне зависимости от времени и власти всегда созидательный труд крестьянина создает фундамент будущему.

Кардинальные перемены в жизни страны в 1920-1930-е годы способствовали формированию в литературе этого периода новых типов героев: «В прозе о деревне послеоктябрьского периода сформировалась особая типология героев: большевик-пролетарий, верный революционному долгу; крестьяне, не признавшие советскую власть; герой, колеблющийся в своих классовых симпатиях» [5]. В творчестве Завадовского главными героями произведений стали представители крестьянства и разночинной интеллигенции.

Так, автор показал, как насильственным образом корректировалось мировоззрение крестьян в сложные годы после революции и гражданской войны, когда еще новый порядок не вошел в жизнь и не заменил прежний уклад. Завадовский тонко подмечает, как трансформируется взгляд крестьянина на окружающую его действительность, на самого себя, на весь исторический ход событий: «Веками отлаженный уклад деревенской жизни в эпоху коллективизации пришел в движение, жизнь деревни менялась до неузнаваемости прямо на глазах» [7, с. 43].

Итоги «слома повседневности», воплотившиеся в деморализации масс революцией и гражданской войной, ярко представлены в рассказе «Ищейка Фред» (1929). Завадовский достаточно лаконично воспроизводит пошлую суть характера Васьки, не побоявшегося ни отца, ни народный суд, ни Бога. «В советской деревне упразднена важнейшая норма крестьянской общины – уважение и почитание представителей старшего поколения, обесценена роль стариков как хранителей нравственно-этических традиций» [8]. Такая оторванность от дедовских порядков и устоев приводит не только к душевному сиротству, но и демонстрирует отсутствие праведности жизненных принципов.

Психологизм в показе русского характера проявился в кровавом и беспощадном сюжете рассказа «Соседи». Завадовский предельно реалистично описывает жестокость жизни, стремясь максимально натурально передать убийства и беззаконие, царившие в период разрушения основ прошлого бытия. «“Биологизация” человеческой нравственности в период революционных преобразований стимулирует низшие формы активности» [5], отсюда проистекает желание героев Завадовского убивать и бесчинствовать.

По мнению исследователей, в рассказе нашли отражение реальные события осени 1919 года, когда мамонтовцы ворвались «с гиканьем и свистом» [4, с. 10] в провинциальный город Усмань. Принимая во внимание этот факт, следует еще раз подчеркнуть стремление писателя в ярких красках передать весь небывалый ужас, пережитый людьми. В рассказе автору удается донести до читателя все тонкие грани эмоционального напряжения человека перед лицом смерти.

Размышления Савелия Трифоновича и Мойши о жизни и смерти, о правах и свободе человека, о статусе человека и его ценности кажутся объективными, соответствующими всем нормам человеческой жизни, элементарному здравому смыслу, но поведение налетчиков расходится с этим пониманием жизни, словно у них своя правда, разрешающая убийства и грабеж. Художественный мир Завадовского порой слишком несправедлив и мучителен, писатель нарочито стремится показать человека во всем его нечеловеческом воплощении.

Мужик, по мнению писателя, не в силах понять и оценить происходящее с точки зрения политики и власти, осознать масштабность исторического течения, но он, отражая общую позицию простого народа, складывает свое суждение из того, что видит, какими предстают перед ним жизнь и люди. Герой Завадовского – не деятель, а созерцатель, не участник, а очевидец. Единственное, на что направлены его мысли, так это на поиск ответов на вопросы о том, как наладить свою жизнь, как выжить в современных реалиях. Герой цепляется за жизнь обеими руками, но ухватить ее всецело не может: «На проклятую нашу жизнь черную тучу надо с молнией, с грозой, а потом – закон» [Там же, с. 158], – восклицает героиня повести «Полова».

Показывая жизнь крестьян в постреволюционной деревне и саму «деревню, которую якобы осчастливила Октябрьская революция» [6, с. 44], Завадовский находит в ней все больше неразрешенных вопросов. Автор не проводит временные параллели с точки зрения хуже или лучше, он выводит на поверхность социальные, моральные, этические конфликты, появившиеся в ходе брожения масс.

Феномен «слома повседневности» раскрывается и в межличностных отношениях героев ряда произведений. «Патриархальная форма организации супружеского союза складывалась в российской культуре на протяжении нескольких столетий» [Там же, с. 73]. В 1920-1930-е годы христианское восприятие семейной жизни претерпевает окончательный крах. Завадовский не показывает семью как целостный, единый элемент социальной жизни. В романе «Золото» (1935), в повестях «Полова» (1926) и «Соломенная учительница» (1938), рассказах «Клевер» (1935), «Беленький домик» (1929), «Мамка» (1929), «В зеленых кварталах» (1927) автор изображает развалившийся институт семьи. В этих произведениях робкое чувство любви сменяется физиологией, формируется новая этика понимания брака, семьи, гендерных отношений.

Это наиболее ярко показано в повести «Полова», где на примере решения женского вопроса в условиях изменения ценностных ориентиров автор показывает невозможность быстрого «слома повседневности» [5]. Исследователи отмечали «глубокую разработку характера главной героини, которой новые времена дали

возможность осознать себя не безропотной матерью-одиночкой, а личностью, способной бороться за свои гражданские права» [6, с. 68]. Но эта борьба оказывается бессмысленной, так как патриархальное представление жизни еще не искоренено в умах и сознаниях людей.

Сюжетно-тематическая направленность повести обусловлена рассмотрением вопроса об изменении роли и функции женщины в советском обществе, тенденцией к равноправию полов и восприятием нового представления о семье еще не сломленным старым мироощущением крестьянства. Со становлением советской власти, с построением новой жизни меняются ценностные ориентиры общества, мировоззрение людей претерпевает серьезные изменения, трансформируются взгляды на прежние устои. И если раньше было немыслимым, что женщина будет требовать от мужчины алименты, то теперь это входит в повседневную жизнь, пока еще не становясь нормой, но уже давая женщине юридическую защиту.

В доме одной из героинь, Арины, собираются женщины деревни в надежде разрешить вопрос: стоит ли искать помощи в суде? По сути, весь их разговор сводится к столкновению старых и новых представлений женщин о жизни. Разрушение устоев кажется невозможным, а независимость и самостоятельность женщины – просто небывалым социальным явлением: «Спокон веку так, – мужик хозяин: и побьет, и приголубит» [4, с. 128]. Но рада ли женщина такой участи, такой отведенной ей роли: «Мы с тобой матушка, видали, скрой от старого – от закона было сладко. Будешь в каторге, праздник – в синяках. Не хотела я этого дитю своему. Думала, надеялась, по новым правилам будут жить, по добровольным» [Там же, с. 129]. Разговоры женщин так и остаются пересудами, на деле те женщины, которые уже использовали новые законы, счастливо не живут: «Ан оказалось: от старого ушли, а к новому семь верст до небес, не нашему носу» [Там же].

Вопрос о новой роли, новой жизни женщины рассматривается в рассказе «Беленький домик», сюжет которого основывается на любовной драме. Герои рассказа – молодая девушка Дина и ее супруг Николай – живут «по-современному» [3, с. 238], то есть в неофициальном браке. Дина пытается уверить себя в необязательности регистрации отношений, даже в абсурдности этого, хотя в душе боится осуждений.

Писатель ставит героиню в зависимое положение от мужчины, так как она искренне его любит, доверяет ему и чувствует ответственность за их будущее. Автор выводит на поверхность лживость и пошлость отношений между людьми, тем самым показывая моральную и нравственную деградацию не только героя рассказа, но и общества в целом. Современное время, отказ от традиционного понимания института семьи, поступление всеми жизнеобразующими ценностями и принципами не привели к новому положению женщины, более того, она стала еще слабее.

Литературный процесс, отражая доминантные черты исторического времени, заставлял писателей с особым вниманием всматриваться в реалии жизни. В 20-30-е годы XX века «русский менталитет подвергся насильственной ломке в связи с событиями большевистской “модернизации” и формированием в ходе нее нового, советского человека» [11, с. 224]. Завадовский, как истинный художник, не мог пройти мимо изменений патриархального мироощущения русского деревенского человека, в котором доминирует, как считали советские идеологи, устарелые и примитивные религиозно-бытовые убеждения.

Образ сельской учительницы Наташи Сизовой в повести «Соломенская учительница» продиктован партийным представлением о новом человеке новой эпохи. Молодая девушка, не боясь трудностей, самоотверженно строит социалистическое будущее, являясь его же продуктом. Жизненные позиции и мировоззрение юной учительницы сложились благодаря идеологической пропаганде большевистской власти. Ее оппонентом выступает старая женщина Васильевна, знавшая прежнюю жизнь при царе и выступающая защитницей и хранительницей былых традиций. Васильевна, прожившая большую часть своей жизни в соответствии с другими социальными нормами, не принимает советскую логику выстраивания жизни, во многом поступками старой женщины руководят страхи.

Завадовский в своих произведениях показывал, как мучительно тяжело и «болезненно крестьяне “рвали связи с прошлым”, пытались разобраться в современной политике и самостоятельно решить жизненно важные вопросы» [5]. Вместе с тем Завадовский стремится раскрыть глубину характера русского человека, его уникальность и особенность. В рассказе «Без суда» (1929) автора интересует социально-психологические особенности крестьянства в целом. В центре сюжета – казнь конокрадов Васьки и Никиты, событие само по себе антигуманное, но писатель маркирует бесчеловечность деяния, акцентируя внимание на толпе и ее описании. Нарядные платья, задорный смех молодежи и детей – все это оттеняет истинную причину сбора людей. Автор рассказа не говорит о беспринципности русского человека, пришедшего «поглазеть» на казнь, не показывает мучительно-психологическое кипение души, но вместо этого показывает сомнения в реальности грядущего.

Писатель всё же сохраняет веру в лучшие качества русского мужика, несмотря на то, что его герои переступают через главную христианскую заповедь «не убий». Они и морально, и психологически готовы к смерти конокрадов, целенаправленно ищут того человека, который сможет стать палачом и лишить жизни вора Ваську, которого прилюдно убивают. Толпу писатель оправдывает праздным любопытством, за что от ее лица извиняется старик Михеич: «Простите, тоже поглядеть прибежал, помутился разумом на старости лет» [3, с. 94].

В рассказе «В зеленых кварталах» автор совершает еще одну попытку определить особенности менталитета русского мужика на границе «слома повседневности» [5]. Главным героем рассказа является молодой мужчина, бывший банковский служащий Алексей, нашедший душевный покой в деревне. Следует отметить, что писатель создает образ человека, стремящегося к крестьянскому труду, возделыванию земли, выращиванию хлеба. В то время как в постреволюционной деревне вслед за трансформациями в общественном сознании изживается русская самобытная философия ежедневного труда и на ее месте создается идея коллективизма,

автор рассказа через образ Алексея пытается возродить «важнейший нравственно-этический критерий крестьянского мировоззрения – православная вера и труд» [Там же].

Большую часть повествования герой находится в поле на покосе, то есть в том традиционном для русской деревенской культуры пространстве, которое сопровождается неповторимой, свойственной только русскому человеку самобытностью и символичностью. Но писателем показано, что «вместе с религиозной верой ушло и отношение к полевым работам как творческому, одухотворенному процессу, создающему особую психологическую атмосферу, эмоциональный подъем, ощущение радости общинного труда» [Там же]. Только где-то далеко, словно в прошлом, Алексей слышит, как косят мужики и раздаются веселые песни. Завадовский очень тонко, еле заметными штрихами провел грань между той патриархальной, чрезвычайно душевной и гармоничной жизнью и тотальным одиночеством Алексея, метафорически изобразив всю суть и смысл забываемого прошлого и грядущего настоящего.

Таким образом, в 20-30-е годы XX века уникальность и неповторимость процесса трансформации форм и содержания русской литературы в советскую литературу достигает кульминационной точки. Буквально за два десятилетия литература вырабатывает новые идеологические ориентиры. И такое активное идейное и тематическое видоизменение, естественно, спровоцировало коренную и абсолютную, во многом даже насильственную трансформацию литературного процесса в целом.

Советская идеология требовала от писателей поддержания политики партии, что заключалось в демонстрации будущей коммунистической жизни, в которой люди «живут красивой, трудовой, героической жизнью и искренней радостью за свои достижения» [9, с. 162]. Так, на страницах произведений «официальная версия советской действительности превратилась в социалистическую утопию» [Там же].

Описывая реальные исторические факты (гражданская война, революция, коллективизм, раскулачивание и др.), Завадовский не ставит целью интерпретировать или анализировать советскую действительность, но его герои показаны через собственную индивидуальную рефлексию на происходящие изменения жизни. Так, описание исторических процессов рассматривается автором не как цель произведения, а как вспомогательный элемент отражения этих процессов в модификации доминантных патриархальных постулатов жизни. Во многих рассказах основной проблематикой является «слом повседневности», своевольное или принудительное отречение героев от устоявшихся принципов традиционного русского мироустройства, на смену которому должна прийти новая советская жизнь. Завадовский запечатлел сложный, переломный момент перехода от прошлой жизни к еще не до конца понятой и воспринятой новой.

Список литературы

1. Булданов В. П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 113-122.
2. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник ТПГУ. 2010. № 8 (98). С. 73-79.
3. Завадовский Л. Н. Полова: рассказы. М. – Л.: ЗИФ, 1929. 250 с.
4. Завадовский Л. Н. Рассказы, повесть / вступ. ст., сост. Д. С. Комяков, художник Л. А. Клочков. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. 334 с.
5. Лебедева С. Н. Тема «Слома повседневности» в прозе крестьянских писателей 1920-х годов [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 1 (9). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tema-sloma-povsednevnosti-v-proze-krestyanskih-pisateley-1920-h-godov> (дата обращения: 01.03.2016).
6. Николаев К. Гений русского рассказа: жизнь и творчество Леонида Завадовского. Воронеж, 2013. 222 с.
7. Пчелкина Н. А. Бытописание деревни 1920-30-х гг. в романе Николая Кочина «Девки» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 42-49.
8. Ростовцева И. Россыпи нового // Литературная газета. 1968. 24 июля.
9. Симмонс Э. Дж. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. № 1 (24). С. 156-163.
10. Титарева Л. Д. Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». 2010. № 4. С. 166-170.
11. Хомяков В. И., Винская О. В. Парадигмы русского национального характера // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 224-226.

“THE CRUSH OF EVERYDAY LIFE” IN L. N. ZAVADOVSKY’S PROSE OF THE 1920S – 1930S

Solopova Natal'ya Evgen'evna

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
se-natalia@yandex.ru*

The article focuses on the problems of ideological and semantic stratum in the creative work of the Soviet writer L. N. Zavadovsky. The author justifies the appearance of a new type of hero in the writer's prose, shows the means used by Zavadovsky's heroes to adopt themselves to the new realities of Soviet life. The paper argues that it's difficult for Zavadovsky's heroes to break with the national traditions of the past, explores the literary and artistic implementation of a “crush of everyday life” and its influence on Zavadovsky's characters' worldview.

Key words and phrases: Soviet literature of the 1920-1930s; crush of everyday life; L. N. Zavadovsky; Soviet ideology; civil war.